

Товар лицом

Кубинская революция привлекательна, потому что сексуальна

Михаил Трофименков |

своим официальным стилем модернизм — и никакого соцреализма. И конечно, несмотря на двухлетнее, в приказном порядке, воздержание повстанцев в горах Сьерра-Маэстры и чудесное перевоплощение проституток в работниц кооперативов, она была безумно сексуальна. Гавана — город искушений, как с ними ни борись: кусты под огромной статуей Христа в январе 1959 года превратились в массовое место свиданий спустившихся с гор бойцов и столичных девушек.

В общем, пафос революции отлично выразила реклама пива «Полар» с изображением крестьянина-гуахино, собирающего тростник. Текст начинался так: «Пора приниматься за работу!». А заканчивался (пропустим патетические возгласы о свободе и созидании) так: «А после работы пора приниматься за “Полар”!».

Но при этом все было безумно серьезно и жертвенно. Кубинская революция — последняя, ощущавшая себя прологом мировой. Эта история еще не закончилась — спросите у субкоманданте Маркоса, Уго Чавеса и Евы Моралеса. Революционеры, взявшие власть, чаще готовы убивать, чем умирать — Че опроверг этот тезис, и не он один. Тысячи кубинских врачей и учителей по всему миру рисковали жизнью. Герой-генерал Арнальдо Очоа (в 1989

году его, увы, расстреляют за торговлю кокаином) вел кубинский экспедиционный корпус, отбросивший белых наемников от ангольской столицы Луанды.

Даже издатель Джанджакомо Фельтринелли, купивший у Альберто Корды и безбожно растиражировавший фотографию Че, не устоял перед обаянием команданте, создал в Италии Группы партизанского действия и погиб, по официальной версии, подорвавшись на собственной взрывчатке (подробнее — на стр. 49).

По иронии истории мировую революцию совершил именно он, а не Че. Революцию в потреблении. Немыслимо, чтобы десятки миллионов людей напялили футболки с Троцким, Тито, Мао или Долорес Ибаррури. А Че воплотился в тату Марадонны и Майка Тайсона, колу El Che, футболку принца Гарри, подвеску Джонни Деппа, постер в комнате Мунтадхара ам-Зейди — метателя ботинок в Джорджа Буша, очки от Жан-Поля Готье, обложки альбома Дэвида Боуи и Мадонны, и даже стал любовником аргентинской первой леди в «Эвите» Эндрю Ллойда Уэббера «Эвита».

Впрочем, не стоит сетовать об этом. Потребление — это гедонизм, а кубинская революция обречена остаться в истории как самая гедонистическая изо всех революций.

пел Муслим Магомаев. Идеология никого не заботила. Да и сама революция никак не могла в ней разобраться: ее вожди открыв рот трепетали перед вашингтонским мемориалом Линкольна, пока Штаты своим слепым и злым желанием вернуть казино и бордели Гаваны чикагской мафии не толкнули их в объятия Москвы.

Секрет ее обаяния раскрывает одна деталь в свидетельствах очевидцев. Все они писали об оружии. Вооружены все — от порты до рубщика сахарного тростника. Но относятся к оружию так, что слова «милитаристское общество» никому и в голову не приходило. По Анри Картье-Брессону, «полицейские носят оружие, как туристы — фотоаппараты». Кто-то еще заметил: девушки носят автоматы, как сумочки. Часовому винтовка не мешает наслаждаться сигарой. На Рождество 1960-х барбудос не пришлось гримироваться, чтобы стать идеальными Санта-Клаусами: только елки, ранее завозимые из США, заменили пальмами.

Революция была разноцветной, как кожа кубинцев, каждый находил в ней что-то свое. Суровость барбудос не казалась жестокостью, хотя все понимали, что на войне как на войне. Но разве могли быть жестоки парни, танцующие хабанеру, гуахиру-сон, гуарачу и румбу. В какой еще стране прощальное письмо Че, покинувшего Кубу, чтобы умереть на поле боя, могло войти в ткань томительной песни «Hasta siempre Comandante».

Революция очистила Кубу от всякого декадантства вроде джаза. Но это единственная из революций, провозгласившая

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ

военрук рассказывал нам на лекции такую историю. В 1960-х он служил в ракетной части, куда привезли на экскурсию Фиделя Кастро. Выслушав ритуальные слова о советском ядерном щите, он повел себя как революционер-прагматик. Переспросил: «Эта ракета направлена на Вашингтон?» Удостоверившись, что да, на Вашингтон, покопался в разговорнике, удовлетворенно кивнул головой и махнул рукой стоящему навтыжку командиру расчета: «Пускай!»

Выкинь такой номер любой другой революционер — Мао, Ким, Насер — не было бы сомнений в его опасном безумии. Фидель — другое дело: «Пускай!» звучало, как шалость огромного бородатого ребенка.

Кубинская революция единственная вызывала чувство не столько солидарности, сколько любви, с ней было легко и приятно идентифицировать себя. «Привет, кубинцы!» — назвала фильм Аньес Варда, «Куба — да!» — Крис Маркер, «Я — Куба» — Михаил Калатозов, «Куба, любовь моя» —

КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

единственная вызывала чувство не столько солидарности, сколько любви, с ней было легко и приятно идентифицировать себя. Она была молода, современна и жертвенна